
Неузнаваем в лунных фонарях
Ночной Смоленск, припорошённый снегом.
Мерещится – парк Блонье стал ковчегом
Для странствующих в сказочных мирах
Героев, приводимых в мир людей
Причудливой игрой воображенья.
Всегда их театральное вторжение –
Сияние в свечении огней.

Вот оживает бронзовый олень
У входа в парк, и дуновенье ветра
Доносит всхлипы... Может, плачет Герда?..
И на разбойнице скрипит ремень.

Минута, час ли... вот уже Руслан
Уродца побеждает в поединке.
И с веток снег летит цветами к Глинке.
И памятник рукой их ловит сам.

Папахи гнёзд на ясенях, ворон
Не слышно... темень звёздными крылами
Шуршит... фонтан, укрытый под щитами,
Вморожен в свой бахчисарайский сон.

Ступай за светляками в чудный лес.
Играй воображением бесстрашно...

В конце дороги – Громовая башня,
Твой дом, семья, друзья – родной Смоленск.

В скалистых гребнях памяти – расщелина,
Лазейка в детство – глубину без дна.
За «Октябрём», за бастионом Шеина
Мне башня, как волшебная, видна.

Послевоенная, водонапорная,
Заброшенная, с грузными дверьми.
Как в маяке, в ней лестница обводная
Вела мальчишек в потаённый мир.

Ступени без перил... слегка кача-а-ло...
Забравшись в бак, в живую полутьму,
Воображалось что-то небывалое,
Открытое тебе лишь одному.

Впервые там, на гладкой крыше купольной
Я совладал с боязнью высоты,
Представив смело ведьму страха кукольной
И воспарив над бездной красоты.

Но более всего влекла акустика
Железной пустоты. Когда я пел,
Себе казался птахом малюсенькой,
А голос мой космически гремел.

Причудливо так старость с детством вяжется.
Пишу стихи, как стоя на краю
Высокого сомнения, и кажется,
Как будто в чреве башни я пою.

Память из зелёных крон уронит,
Словно голубь, сизое перо.
Помнят только ясени на Блонье,
Как ложилась юность на крыло,

Как дружили искренне, как рьяно
Говорили о большой любви,
Назначали встречи у фонтана,
До утра сидели визави.

Парк Блонье и древний город в мае
Вместе молодеют не впервой.
Только не уедешь на трамвае
В прошлое за крепостной стеной.

В городских садах бушует замять.
Солнышко катается с холмов.
И роняет тихо перья память
Под церковный звон колоколов.

Взметнула ель над крепостной стеной
Ветвистую вершину, словно символ
Главенства мирной жизни над войной.
Об этом пишет облачным курсивом

Природа в парке. А ведь ель – моя
Ровесница, почти что одногодка.
Как хвойницу, несёт меня земля
На этом месте, окрылив походкой.

Смоляне поле Марсовым зовут.
Сам бог войны бывал здесь не однажды.
Мы пацанами снеговой редут
Лепили, отражая толпы вражды.

Жизнь целая... как миг... как будто я
С горы слетел на ледяной фанерке.
Посыпан лёд песком, и нет ребят,
На поле павших от снежков, в разведке.

У ДОМА РОДНОГО

У дома, где на пятом этаже
Меня качала мама в колыбели,
Где так обычно начался сюжет
Судьбы и воробьями пролетели
Младенчество и детство, где назад
Не ходят даже стрелки колдовские
И в наше время днями не сидят
На старых лавках бабушки благие,
Лишь мы по зову памяти кружком
Сидим уже полжизни на скамейке
И под гитару – школьники – поём
И песни корифеев, и ремейки,
Где юность, позабыв – который год,
Боясь сама с собою разминуться,
Меня в надежде на свиданье ждёт,
Как будто можно в прошлое вернуться,
У «сталинки» кирпичной – в полный рост
Отлит поэту памятник из бронзы,
Как в будущее посланный репост
Сказанья о стране, почившей в бозе.

На улице Смоленска центровой,
Стоит, к сосёнке прислонясь по-свойски,
Как будто вышел на берег крутой,
Крестьянский самородок Исаковский.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ УЛИЦЫ

Новостройками в Смоленске
По-московски не гордись.
Погуляй по Пионерской
И по Пушкина пройдись.

В сорок проклятых народом
Город-Феникс – исполин
Поднимался дом за домом, –
Возрождался из руин.

Не высотки, частный сектор
По оврагу шёл к Днепру,
Становился майской веткой
Мирной жизни на юру.

Все смолянами простыми
В рай ушли фронтовики.
С краю улиц потеснили
Их дома особняки.

Скрыт в названье Пионерской
Символ счастья... и вины
Перед Родиной советской,
Побеждённой без войны.

А на Пушкина старушки
Говорят, мол, что с того,
Что в Смоленске не был Пушкин,
Наша улица – его.

Город мой, кружась в кварталах,
Сохрани и приукрась
Добрый облик улиц старых,
Как архитектурный вальс.

БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ

Второе столетие на тему смоленскую
Художники пишут Большую Советскую.
Ненастные дни и денёчки погожие.
Штрихами – машины, мазками – прохожие.
Но зреньем художников сделались главными:
Успенский собор с золочёными главами,
По левую сторону – церковь, по правую –
Мужской монастырь... Рукавицей кровавую
Истории стёрта краса твоя прежняя,
Молоховская и Большая проезжая!
Большая Советская, сердце как плещется,
Назвать тебя нежно Большой Благовещенской.

*Парк Блонье заложен в 1830 году
на месте старой плац-парадной площади.
Он старше Лопатинского парка на 50 лет.*

Из истории города Смоленска

Пройдёт сто лет, а в парке Блонье
Всё будет литься белый свет
В ответ на карканье воронье,
Что смертный сбудется завет.

Журчанье струй и плеск разлива
Воды в фонтане, с высоты
В свой круг стремящейся игриво,
Сольётся с трепетом листвы.

И будут дети на прогулке
Во все глаза ловить ворон,
А мамы – их крестить на гулкой
Церковный, колокольный звон.

И с оцифрованной пластинки
Кружиться будут у виска,
Как бабочки, романсы Глинки,
Преодолевшие века.

Смоленск по-сыновьи люблю я за то,
Что в нём довелось мне родиться.
Мне ведает всякий весенний цветок,
Что в город нельзя не влюбиться.

В Успенском соборе крестили меня.
Душой я взлетел над холмами.
Но с детства легла крепостная стена
В характер, как прочный фундамент.

Бывает, на крепости вспыхнет заря, –
Уносишься к средневековью.
И «Славься» из оперы «Жизнь за царя»
Звучит по всему Приднепровью.

А гром заиграет, всё кажется – бьют
Мортиры, а следом «Катюши»,
А, может, пуская победный салют,
Грохочут гвардейские пушки.

Но если придёте к смолянам с добром
И в дружбе проявите верность,
Друзей Одигитрия примет в свой дом,
Укроет Смоленская крепость.

И Запад легенду хранит, и Восток,
Что Феникс – смоленская птица.
Когда на камнях расцветает цветок,
В него ведь нельзя не влюбиться.

СМОЛЕНСКИЙ ВОКЗАЛ

Олегу Ермакову

Сколько раз провожал и встречал, уезжал,
Возвращением ставил под странствием рощерк.
Ты давно стал родным мне, Смоленский вокзал.
Твоя площадь – моя присердечная площадь.

Поезд номер... к платформе...
– Ну, здравствуй!
– Привет!

- Будто я никогда... никуда... Что за казус?
- Как вчера...
- Но прошло столько зим, столько лет!
- Так у многих смолян.
- А по-гречески – стазис.*

Как кирпичная кладка Смоленской стены,
Наслоились века – и нарушилось время.
В приднепровских лесах мы навек пленены,
Сторожит нашу местность могучее племя.

Кто родился в Смоленске и вышел на свет
Еле видимый, брезжащий в мире далёком,
Возвратится сюда через тысячу лет,
Будто лишь на мгновение встретится с Богом.

** Стазис — искусственная пауза во всех физиологических процессах живого существа, в том числе в самой жизни, возобновляемых, как будто они не прерывались, когда период стазиса закончится.*

БЕСЕДА

Когда подступают житейские беды
И счастье сдаёт за редутом редут,
Придите с цветами на площадь Победы,
Где Тёркин с Твардовским беседу ведут.

О лучшей судьбе не грусти, современник,
Любою Отчизну старайся любить.
Когда у истории крепкие звенья,
Тогда суждено нам счастливыми быть.

России отпущено божьего света
С лихвой, заливаает весь мир синевой.
Нам хватит для счастья свободы и хлеба,
И мирного неба над вольной страной.

А беды? Что беды? Житейски беды
Нагрянут и с громом, как дождик, пройдут.
Об этом на площади нашей Победы
Твардовский и Тёркин беседу ведут.

СМОЛЕНСКОЕ УДАРЕНИЕ

У всех случается смятенье.
С друзьями спорю не один.
Как верно ставить ударенье:
Смолянин или смолянин?

Хоть я и не ровесник Глинке,
Не счесть по возрасту седин.
Произношу я по старинке,
Как наши деды: «Смолянин».

Мой говор слух ретивый ранит.
И важничают знатоки,
Мол, нужно говорить «смолянин»,
Эх вы, смоляне-старики!

Земляк, в своём учёном званье
Ты думаешь – непобедим?
Россия говорит: «Славяне».
О человеке: «Славянин».

Сам по себе наш спор забавен.
Как не скажи, а смысл един.
Смолянин смолянину равен:
России сын и гражданин.

Для всех, кто верит в доброго царя
И чудородный дух родных просторов,
Вращается земля вокруг Кремля
На Красной площади в красе соборов.

А для меня, рождённого вдали
От эпицентра грозного всевластья,
Проходит ось вращения земли
Незримо через дом, где Ангел счастья
Сидит с хозяевами за столом
За чашкой чая, как в своем семействе,
Беседует о том о сем, о чем
Порассуждать так можно только вместе.
О том, что в мире нет земных дорог
Для зла, нет почвы в душах для пороков,

Что всемогущ и милосерден Бог,
И на крестах не мучают пророков.
А райский сад не где-то в небесах, —
Здесь, за окном; в саду, сыром овраге,
Лугах, полях, болотах и лесах,
Откуда гостем в дом приходит Ангел.